

Таким образом, материалы Государственного архива Гомельской области позволяют дополнить и воссоздать в целом достаточно объективную картину развития предпринимательской деятельности в республике в годы НЭПа. Они вполне достоверны, позволяют изучать различные аспекты данной научной проблемы.

1. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 232. Оп. 1. Д. 31.
2. Там же. – Д. 44.
3. Там же. – Д. 20.
4. Там же. – Ф. 148. Оп. 1. Д. 21.
5. Там же. – Д. 37.
6. Там же. – Д. 13 а.
7. Там же. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 17.

Яковлева Г.Н.
СОВЕТСКИЕ ЕВРЕЙСКИЕ ШКОЛЫ НА ВИТЕБЩИНЕ В 1920-Е ГГ.

Еще до революции теоретиками Бунда была разработана концепция национальной школы на идише. Дискуссии между сторонниками просвещения на идише и иврите шли в Обществе для распространения просвещения между евреями в России еще в 1910-х гг. Реализацией концепции светской еврейской школы на идише стало создание школ и детских садов на этом языке для детей беженцев в период Первой мировой войны. Затем началось формирование системы советского еврейского образования на языке «еврейских трудовых масс». «К ивриту руководители еврейских коммунистических секций относились крайне негативно, как к языку «клерикальной культуры», воспринятому и пропагандируемому еврейской буржуазией. Соответственно создание централизованной сети учебных заведений с преподаванием на иврите стало невозможным». Иврит связывался и с сионистским движением, обличался в качестве языка религиозного культа [1].

Массовое создание советских еврейских школ началось на Витебщине в 1919 г. Часть из них возникла на базе дореволюционных еврейских учебных заведений: 4-я советская школа в Лепеле, 5-я советская еврейская школа в м. Бешенковичи, 3-я советская еврейская школа в м. Чашники. Советская еврейская школа в Городке была преобразована из еврейской частной школы Ц. А. Долгопольского [2, л. 3]. Весной 1921 г. в губернии уже действовала 41 еврейская школа 1-й ступени. Наибольшее число школ было в Витебске – 10, по 6 – в Витебском и Оршанском уездах. В остальных 7 уездах их было по 2 – 3. Была создана вторая школа 2-й ступени (девятилетка) в Витебске [3, л. 16]. Не было программ, учебников, катастрофически не хватало учителей. Многие уехали из них за границу. Другие ушли на советскую или партийную работу. Третьи не подходили по политическим взглядам, были, например, сионистами или убежденными сторонниками религиозно ориентированного образования. С целью решить эту проблему были организованы еврейские 10-месячные педагогические курсы. 31 января 1921 г. НКП РСФСР сообщил Витебскому губоно о том, что считает «необходимым преобразование еврейских курсов по дошкольному, школьному и внешкольному образованию в Витебский еврейский институт народного образования» [4, л. 8]. Решение было выполнено и осенью 1921 г. начал работу Витебский еврейский педагогический техникум. Однако сохранялись и хедеры, являвшиеся основным средством передачи традиционного еврейского знания.

15 сентября 1921 г. был принят декрет «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений». Государство почти перестало финансировать школы, началось их массовое сокращение. Задержки зарплаты привели к нищенству и появлению девиантного поведения среди школьных работников (шкрабов). Учителя определяли своё положение как «босячество». Они ставили вопрос перед своим профсоюзом о том, может ли нищий и оборванный школьный работник быть авторитетом для своих учеников и их родителей? Затронули эти трудности и еврейскую школу. На 1 января 1922 г. в губернии функционировали 32 еврейские школы 1-й ступени и 2 школы 2-й ступени, в них работало 150 шкрабов и училось 4200 учеников [5, л. 5]. Весной 1922 г. в Витебске одну школу закрыли, еще две объединили в одну, сохранив 7 школ 1-й ступени и одну 2-й [6, л. 27]. Из-за тяжелого материального положения за

летние каникулы школы покинуло 17 учителей. В уездах пытались сохранить хотя бы по одной школе. В Шумилино в непригодном здании училось 116 учеников, работало 3 шкராба. Евбюро пыталось через губисполком добиться еще одной комнаты, «занимаемой пока милиционером» [6, л. 38].

В условиях сокращения школ возникли опасения из-за активизации меламедов и хедеров. Под руководством еврейских просвещенческих и партийных структур еще в январе 1921 г. был проведен показательный «суд над хедерами», который длился 6 дней. Судили 49 меламедов, работавших в 35 хедерах. В них обучались 1 358 детей, 400 из которых утром посещали советские школы и приходили в хедеры после обеда. Остальные дети в возрасте 8 – 13 лет учились только в религиозных школах [7]. И хотя часть хедеров была тогда закрыта, они по-прежнему сохранялись. В начале 1922 г. евбюро Витебского губоно стало организационным центром по проведению новой волны антихедерной кампании. Созданная им Комиссия по борьбе с хедерами в составе зав. еврейским подотделом губсоцвоса Л. Калецкого, партработников Л. Абрама и Х. Дунеца наметила план работы по обследованию хедеров, изъятию из них детей и распределению в советские еврейские школы. Организовывалось «посещение школьными работниками и студентами евпедтехникума беднейших районов города из дома в дом с целью индивидуального убеждения родителей изъять детей из хедеров для направления их в советские еврейские школы» [6, л. 4 об.]. Дети направлялись в 33-ю, 7-ю, 8-ю еврейские школы. Весной 1922 г. радикальная волна закрытия хедеров охватила и уезды. Евбюро Полоцкого уоно провело широкую антихедерную кампанию, закончившуюся привлечением к судебной ответственности меламедов. Приговором суда полоцкие хедеры и талмуд-торы закрыли, детей разместили в еврейские советские школы [6, л. 5]. В Оршанском уезде в марте была проведена городская конференция культработников, решившая закрыть хедеры после проведения беспартийной рабочей конференции, на которой «хедеры получают решительный удар». В апреле 1922 г. губоно предлагало евбюро уездного комитета РКП(б) и Оршанскому уоно «все хедеры и другие конфессиональные школы немедленно ликвидировать. Обязать меламедов и содержателей этих учреждений отказаться от дальнейшего продолжения ими их тлетворной деятельности». Материалы по обследованию хедеров требовали присылать в евбюро губоно для выяснения вопроса о привлечении виновных в содержании и развитии конфессиональных школ к суду [8, л. 17]. Рабочая конференция назначалась на 16 июня 1922 г. Зав. евбюро Оршанского уоно Р. Л. Мейзина докладывала в губоно в июле 1922 г. об успешном проведении митинга в синагоге и начале регистрации учащихся хедеров в советской школе [8, л. 29].

Советских школ для приема в них всех еврейских детей не хватало, во многих учителями работали студенты евпедтехникума. Однако евбюро настаивало на закрытии хедеров. 6 сентября 1922 г. было принято решение Витебского губисполкома: «все существовавшие в городе и губернии школы конфессионального характера, как-то: хедеры, ешиботы, талмуд-торы и проч. закрыть в трехдневный срок со дня опубликования сего постановления». В случае обнаружения преподавания религиозных предметов детям до 18-летнего возраста в молитвенных или частных домах, руководители и преподаватели таких предметов должны были привлекаться к уголовной ответственности [9, л. 90]. Часть хедеров была закрыта, другие ушли в подполье. Многие родители предпочитали хедеры, игнорируя советскую школу из-за ее светского характера, работы по субботам, отрицания иврита и еврейского традиционного закона. В январе 1923 г. в губоно и губкоме шла речь о необходимости обследования и закрытия нелегальных хедеров. 14 июня 1923 г. появилось постановление №101 Витебского губисполкома о запрете деятельности частных школ и детских садов на территории губернии и их закрытии к 15 июня.

К началу 1924 г. в Витебске из 10 осталось 6 еврейских школ 1-й ступени и только одна – 10-я еврейская – школа 2-й ступени. Школы были небольшими, как правило, работали в 2–3 смены, не имели собственных зданий, некоторые просто занимали этаж или несколько комнат в непригодных помещениях, многие учителя были совместителями. В местечках школы могли располагаться и в съемных хатах. Ситуацию еще больше осложняло то, что учителям приходилось приспосабливаться к отказу от отметок, переходить на групповые методы работы, непонятный им «комплексный метод», внедрять самоуправление учащихся и т.д.

В 1924 г. Витебская губерния вошла в состав БССР, часть уездов передали в РСФСР. Изменилось административное устройство, бывшая губерния была разделена на округа и районы. Опять прошла череда реорганизаций, сокращений и объединений. В БССР вместо девятилетки (школы 2-й ступени) существовала семилетка. Началась реализация политики белорусизации. В республике было четыре государственных языка, в том числе идиш, стали создаваться еврейские национальные советы, начало расти число школ на идише. Осуществляя принцип обучения на родном языке, в Витебске две общие русскоязычные школы с преобладанием еврейских детей перевели на идиш, для укомплектования школ на 1924 и 1925 учебный год создали комиссии, определявшие родной язык поступающих в школы детей, «всех разговаривавших на родном языке, направляли в еврейские школы». Были проведены «собрания на фабриках, заводах, в местечках с докладами о принципах воспитания на родном языке». По Витебску и Витебскому округу в 1925 г. насчитывалось 17 еврейских школ, в которых училось 2670 детей. 11 школ было с четырьмя группами, 6 – школы-семилетки [10, л. 50-51]. 10-я еврейская трудовая школа 2-й ступени была преобразована в 1-ю семилетку, ставшую с 1925 г. опытной школой при епедтехникуме. Ученики этой школы были максимально вовлечены во все антирелигиозные и политические акции, проводимые в городе.

В сентябре 1926 г. газета «Заря Запада» сообщала, что в Витебске 10-ю еврейскими школами охвачено только 24% еврейского населения, на районах дело обстоит лучше, там ими охвачено 82 % еврейского населения [11, л. 16 об.]. Однако количество детей, посещавших школу, было гораздо больше, т.к. многие родители старались отдать их именно в русские школы. Часто родители были недовольны тем, что общие школы преобразовывались в еврейские или детей лишали права выбора учебного заведения. В Орше помимо еврейской школы 1-й ступени, работавшей на идише, еврейские дети могли учиться и в русскоязычной «школе Шульковского». Попытки местных властей объединить ее с еврейской школой были пресечены губоно, но и сохранение ее как школы исключительно для еврейских детей позволено не было [12, л. 27–28]. В школах на идише учились дети рабочих и местечковой бедноты, в них по-прежнему не хватало учебников и пособий, невысоким был и уровень подготовки шкрабов. Не знали они и белорусского языка. Хотя постепенно число школ росло, но еврейских семилеток было недостаточно, возможность получить высшее образование на идише отсутствовала. Без знания русского языка трудно было рассчитывать на получение престижной профессии.

Хотя еврейские школы были светскими, но изживание религиозных традиций в них шло трудно. Весной 1922 г. ебюроВитгубоно отчитывалось: «В целях борьбы со все еще продолжающейся традицией празднования еврейскими школами Пурима Бюро разослан был циркуляр с разъяснением сущности этого праздника и категорическим воспрещением прекращения школьных занятий в этот день» [6, л. 40 об.]. Однако многие учителя сохраняли приверженность традициям. Так, шкраб вспомогательной школы Бонар, игнорируя предупреждение о наличии распоряжения губоно об обязательной работе, отказалась работать «в день еврейского клерикального праздника Пурим», за что и была уволена в марте 1923 г. [13, л. 98]. В феврале 1923 г. на расширенном заседании ебюрогубоно обсуждался вопрос в воскресном отдыхе в еврейской школе. Представитель ебюрогубкома РКП(б) Л. Абрам утверждал, что путем приказа добиться положительного результата будет трудно. Проблемы будут с родителями, но, главное, с учителями, которые, безусловно, запотестуют, потом, согласно законам советской власти «мы не можем путем приказов отменить субботний отдых». Он предложил сначала собрать широкое собрание еврейских учителей, заручиться поддержкой родителей, большинство из которых рабочие, и согласие дадут, а потом провести широкую агитационную кампанию. После чего перейти на воскресный отдых [9, л. 98]. Выполнение решения давалось нелегко, ебюрогубоно только через два месяца извещало, что «в субботу, 22 апреля в 7 часов вечера в Доме им. Менделеева состоится собрание культработников. На повестке дня вопрос о введении воскресного отдыха в школах и детских учреждениях» [14, л. 11]. Однако проблема работы в субботу и в праздники, особенно в местечках, сохранялась. В документах постоянно встречаются предупреждения о неизбежных санкциях по этому поводу. Проводились антирелигиозные кампании, обязательные в школах, но быт в местечках менялся мало. Дети совершали «всевоз-

можные религиозные обряды, праздновали субботу». Даже в 1927 г. Витебский окроно признавал, что еврейские дети не посещают школы в еврейские праздники [15, л. 309 об.].

Однако атеистическое воспитание в детсадах и школах постепенно давало свои результаты. С детьми в семье приходили новые идеи, требования и установки. Дети вместе с родителями все больше советизировались, втягиваясь в новые политико-идеологические реалии и бытовые практики. С одной стороны, идиш был языком семьи и школы. В апреле каждого года в детских садах, коммунах, школах проводились вечера, посвященные памяти Шолом-Алейхема. Устраивались мероприятия, посвященные «дедушке еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорим» и И. Л. Перецу, творчеству «первого пролетарского еврейского поэта» М. Винчевского. Действовали школьные драматические кружки, создавалась детская литература на идише. С другой стороны, происходил довольно быстрый процесс отчуждения детского сознания от традиционного образа жизни, истории своего народа. Окружение, формируя с самого раннего детства представления ребенка о прошлом и прививая ему их определенную оценку, закладывало негативный образ «прошлого». Приверженность религиозной традиции становилась отсталостью. То, что было нормой, становилось аномалией. Формировался другой образ жизни и иные ценности.

Развивалось пионерское движение. В 1924 г. евбюро окружкома отмечало, что пионеры становились «революционизирующим элементом всей среды». Они должны были стать коллективистами, а коллективизм интернационален. С пионерами надо было вести систематическую атеистическую работу, а они бы помогали изживать «старые религиозные и мещанские традиции быта, еще имеющиеся в местечковой жизни» [10, л. 32]. В 10-м номере журнала «Пионер» за 1924 год в статье с названием «Как работать в семье?» пионеры ориентировались на борьбу против насилия по отношению к детям, должны были агитировать родных выписывать газеты, поддерживать средствами МОПР, Доброхим, создать дома красный уголок. Мальчишки и девочки с малых лет становились членами ячеек юных друзей МОПРа, кружков пионерских корреспондентов и юнкоров, участвовали в праздновании революционных праздников, в митингах и демонстрациях. Члены Лиги помощи германским работницам проводили агитационную кампанию и собирали средства для детей Германии в школах 2-й ступени, а руководительницы женотдела окружкома КП(б)Б (в основном, еврейки) всерьез спорили о том, надо ли вербовать членов Лиги среди учеников школ 1-й ступени [16, л. 10]. Вовлекались ученики и в поддержку забастовки английских горняков в 1926 г.

Огромную роль в политизации сознания детей сыграли мероприятия, охватившие страну после смерти В.И. Ленина. По всем школам проходили траурные собрания, появились массовые инициативы по переименованию школ и коммун в честь умершего вождя. Возникали «уголки имени дяди Ленина». Девятилетняя ученица одной из школ Витебска Р. С. Берлин написала стихи: «Милый Ленин, // Бедный мой, // Ты спишь // В земле сырой. // Когда подрасту, // В твою партию вступлю, // Буду я бороться, как ты, // За счастье рабочих и бедноты. // Бедный Ленин, // Милый мой, // Ты лежишь // В земле сырой» [17, л. 72 об.]. В 40-й еврейской школе 1-ой ступени на призывы докладчика следовать по стопам Ленина «дети постановили переименовать школу именем незабвенного Ильича» [17, л. 67 об.]. С 18 по 25 января 1925 г. проходила «Ленинская неделя». Евбюро окружкома КП(б)Б разработало план ее проведения на еврейском языке. Лекции на темы «Год без Ленина» читались в местечках, в еврейских клубах, на мероприятиях города. Беседы и доклады организовывались в школах, детских домах, евпедтехникуме [18, л. 25]. Однако бесконечные доклады, преобладание политизированных мероприятий и однообразно-стандартная, скучная форма их проведения вызывала отторжение. В витебской школе имени Н. К. Крупской в 1926 г. прошел вечер воспоминаний о революции 1905 г. «Курсанты своими силами сделали 2 доклада: один на русском, другой на еврейском языке. Доклады сопровождалась световой газетой с цифрами и диаграммой, которая показывала положение рабочего класса и ход революции. Но ребята плохо себя вели: все время шутили и смеялись. С трудом удалось довести доклады до конца. Не мешало бы ученикам держать себя сдержаннее и не перебивать докладчиков», – сетовала автор заметки [19, л. 20].

Таким образом, советские еврейские школы выполняли задачу идеологизации и коммунализации жизни детей, способствовали воспитанию их родителей в советском духе. Советская ев-

рейская школа, работавшая на идише, стала главным средством коммуникации между властью и подрастающим поколением, здесь внедрялись в сознание детей новые идеи и новые герои. Из школы, пионерского отряда в семью приходили новые традиции и символы. Активно вытеснялись хедеры, игравшие важнейшую роль в формировании и сохранении еврейской традиции. Однако многие родители, особенно в местечке, хотели дать своим детям религиозное воспитание и не пускали их в советскую школу. Могла сохраняться и такая практика: посещая советскую школу, дети ходили и в нелегальные хедеры, которые сохранились, несмотря на запрет. Другую часть родителей не устраивал уровень подготовки учителей, состояние самой школы, а также отсутствие системы высшего образования на идише. Как пишет В. Гимбут, «у населения сложилось мнение, что в местечке существуют как бы две разные школы: одна имеет много учителей, хорошее помещение и т.д. (эту школу называли «гимназией» или «семилеткой»), а другая – это школа низшего типа (ее называли часто «школка», «советская школа», «советский хедер»). Двери общей 7-летней школы часто оказывались закрытыми для еврейских детей, поэтому у еврейского населения часто возникало впечатление практического неравенства, ощущение, что их «заставляют» посылать своих детей в худшую школу. Они говорили: «Одна местечковая школа, белорусская, – лучшая, другая школа, еврейская, – худшая» [20]. Пережив очередной всплеск своего развития в начале 1930-х гг., советская школа на идише исчезла к их концу.

1. Чистяков, С. С. Формирование новой еврейской национальной школы в Советской России (1920–1923 гг.) [Электронный ресурс] / С. С. Чистяков // Власть. – 2011. – № 3. – С. 287–290. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-novoy-evreyskoy-natsionalnoy-shkoly-v-sovetskoy-rossii-1920-1923-gg>. – Дата доступа: 29.01.2019.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 246. Оп. 3. Д. 6 (Сведения о количестве школьных и дошкольных учреждений по уездам губернии на 1 авг. 1919 г.).
3. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 77 а. (Вестник народного образования. Орган Витебского губоно. 1921 г. № 1 (май)).
4. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 322 (Положение о еврейском отделе губполитпросвета; отчеты о работе еврейского бюро Наркомпроса РСФСР).
5. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 185 (Протоколы заседаний и отчеты о работе Витгубнаца за 1922 год).
6. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 324 (Протоколы заседаний и отчеты о работе еврейского бюро просвещения Витгубоно за 1922 год).
7. Смиловицкий, Л. Школа на идише в первые десятилетия советской власти. Еврейское образование в Белоруссии. 1921–1941 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.ort.spb.ru/nesh/njsl1/smilov11.htm>. – Дата доступа: 07.09.2018.
8. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 325 (Переписка с Оршанским УОНО о состоянии учреждений, список работников еврейских детских домов и культпросветучреждений).
9. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 327 (Переписка с Витгубкомом РКП(б) и Витгубоно о проведении политпросветработы и о состоянии еврейских детских учреждений).
10. ГАВт. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 243 (Протоколы и отчеты о работе евбюроуторкома и окружкома КП(б) Б).
11. ГАВт. – Ф. 2289 (Коллекция периодической печати). Оп. 2. Д. 106 б. (Заря Запада).
12. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 328 (Переписка с Оршанским унаобразом о работе еврейских школ и других детских учреждений).
13. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 146 (Тарифные соглашения Витгубоно и Витгуботдела Всероссийского союза работников просвещения).
14. ГАВт. – Ф. 905 (Витебский еврейский педагогический техникум). Оп. 1. Д. 11.
15. ГАВт. – Ф. 170. Оп. 1. Д. 164 (Протоколы заседаний школьных советов школ округа, совещания окружных инспекторов БССР).
16. ГАВт. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 226 (Протоколы заседания коллегии женотдела и отдела работниц и крестьянок уторкома и окружкома КП(б)).
17. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 93 (Известия Витебского губкома и губисполкома, 1924 г.).
18. ГАВт. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 205 (Отчет агитпропа Окружкома КП(б)Б за ян. - март 1925).
19. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106 (Заря Запада).
20. Гимбут, В. Организация народного образования среди национальных меньшинств в Беларуси: первые шаги трудного пути (перв. пол. 1920-х годов) [Электронный ресурс] / В. Гимбут // Беларусь у XX стагоддзі. – 2003. Вып. 2. – Режим доступа: <http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/xx/xx020108.html>. – Дата доступа: 15.01.2019.